

G.K

*Цветок Пекаты:
Маска Змея*

18+

G.K G.K

Цветок Гекаты: Маска Змея

<https://litres.ru/74613058>

SelfPub; 2026

Аннотация

Империя Арвас, славная и жестокая, существует уже почти сотню лет. За это время менялись правители, столицы, мода и нравы, но государство всегда оставалось сильным и стабильным. Жемчужиной империи был прекрасный город Урисл, где находилась главная резиденция императорской семьи.

Кто бы мог подумать, что в этом месте могут произойти неприятности?

Но люди начали замечать, что чиновники умирают один за другим. Места их убийств напоминали кровавые театральные сцены.

Кто же тот, кто постепенно подбирается к императорской семье, убивая всех кто ниже? Что будет с Урислом, пока этот безумец на свободе?

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Г.К

Цветок Гекаты: Маска Змея

Глава 1

Теодор сделал глубокий, почти затрудненный вдох, втягивая носом тяжелый, приторный воздух, который, казалось, насквозь пропитал собой каждый предмет в этих изнеженных покоях. Он пах лилиями — удушающе-сладко, до лёгкой горечи, — и, судя по едва уловимой, зябкой свежести, комнаты проветривали совсем недавно. Но цветочный дух уже стал частью этого места: он впитался в обивку кресел, в тяжелые портьеры, в самую плоть стен. Для Теодора, привыкшего к запаху стали, пота и сырой земли, этот аромат был чуждым, почти враждебным — он казался дыханием иного мира, стерильного и оторванного от реальности. Воздух здесь был слишком густым, слишком сладким, он обволакивал и душил, как влажный шелк. Его взгляд, отточенный годами на полях сражений, где за долю секунды нужно было оценить угрозу и принять решение, от которого зависели жизни, теперь медленно и методично скользил по фигуре, представшей перед ним.

Принц Асфodelь был воплощением хрупкой, почти болезненной красоты. Она не просто бросалась в глаза — она навязывалась, настойчиво и вызывающе, как аромат тропического цветка в душном подвале. Его лицо, бледное, словно тончайший пергамент старинного манускрипта, казалось, никогда не знало прикосновения солнечного ветра, не ощущало на себе ни палящего зноя, ни ледяных укусов стужи. Мягкие, будто вылепленные из теплого воска, черты были нарочито утонченными, почти кукольными в своей безупречности, лишенными малейшего намека на мужскую грубость. Длинные волосы цвета зимнего инея, неестественно густые и блестящие, тяжелым водопадом спадали на плечи, завитые в идеальные, совершенные локоны, каждый из которых ловил и преломлял свет. Такая прическа была уделом знатных дам, часами просиживающих перед зеркалами в окружении служанок, но никак не наследных принцев. Эти кудри обрамляли лицо, подобно драгоценной оправе, делая главным акцентом глаза.

Боги, эти глаза. Огромные, миндалевидные, они сияли цветом жидкого золота и старого, тягучего меда. Длинные, неестественно пушистые ресницы, трепеща при каждом моргании, отбрасывали легкие, ажурные тени на высокие скулы, создавая пленительную иллюзию наивной, почти кукольной невинности. Он стоял в белоснежной рубашке с раздутыми рукавами-фонариками, и тончайшая, почти невесомая ткань не скрывала, а, напротив, подчеркивала болез-

ненную худобу его плеч и ранимую хрупкость выступающих ключиц. Почти ничего в этом облике, кроме смутного, едва угадываемого контура под одеждой, не напоминало о том, что перед ним — мужчина и наследник империи, повелитель армий и будущий властелин континента. Он был словно призрак, изящная иллюзия, утренняя дымка над озером, готовая рассеяться от одного резкого звука.

Этот юнец стал разительным, почти оскорбительным контрастом для Теодора. Капитан, казалось, был вытесан из другого, более жесткого, грубого и прочного материала. Он возвышался посреди этих будуарных покоев, как вековой дуб, случайно проросший посреди изнеженной оранжереи. Его плечи, привыкшие носить неподъемную тяжесть боевых доспехов и куда более страшный груз ответственности за чужие жизни, напряглись даже под парадным камзолом из черного бархата, расшитого тусклым серебром. Дорогая, изысканная ткань не прятала, а нагло, почти вульгарно облегала и подчеркивала каждую выпуклость мощной, бугристой мускулатуры, каждый шрам, запечатлевший на его теле историю выживания. Он был воплощением грубой, неотшлифованной, первобытной силы — силы земли, металла, крови и негибаемой воли.

Лицо Теодора было летописью, написанной не чернилами, а клинками, потерями и давними бессонными ночами. Смуглая кожа, позолоченная бесчисленными солнцами и продутая всеми ветрами, от ледяных вершин севера до раскален-

ных пустынь юга, хранила память о невзгодах и лишениях. Черты — крупные, резкие, с твердым, словно вырубленным из камня подбородком и прямым носом — несли на себе отпечаток врожденного благородства, но были нарочито огрублены суровой реальностью, свидетелем которой он стал. И среди этой карты мужества и опыта выделялся самый яркий топоним — рваный, багровый, бугристый шрам, пересекающий лицо от левой скулы до упрямого, волевого подбородка. Не украшение, не предмет гордости, а отметина, печать, говорящая громче любых титулов: «Я видел лицо смерти так близко, что мог сосчитать ее ресницы, и она отступила». Его глаза, цвета весенней листвы после дождя, пронзительные и усталые, знающие цену жизни и горький вкус потерь, встретились с золотисто-медовым взглядом принца. В этой внезапно сгустившейся тишине прозвучал немой диалог между сталью и шелком, между окровавленной почвой бескрайних полей и стерильной тишиной дворцовой оранжереи.

Спустя долгие, тягучие, как смола, секунды, в течение которых Теодор бессознательно, движимый инстинктом, оценивал углы комнаты, расстояние до дверей, вес скрытого кинжала у бедра и возможные пути отступления, он наконец протянул руку. Руку, покрытую густой сеткой более мелких шрамов и застарелых мозолей, руку, что держала и меч, и окровавленное знамя, и чашу со святой водой, которой он больше не осенял себя крестом, отрекшись от веры предков.

— Меня зовут Теодор Вурхис, ваше высочество, — его

голос прозвучал низко, с легкой, неистребимой хрипотцой, оставленной сорванными криками на поле боя и долгими, молчаливыми ночами в карауле. — Лорд восточных земель. Императорским повелением я назначен вашим телохранителем до тех пор, пока не будет обезврежен тот... безумец, что терроризирует столицу.

Он почтительно склонил голову, но тяжелый, изучающий взгляд не отпускал принца ни на мгновение. В его словах не было страха, лишь холодная, отточенная профессиональная оценка. «Театрал» — так окрестил народ таинственного убийцу, чьи жестокие, вычурные, пропитанные эстетикой декаданса представления со смертью в главной роли повергли Урисл в липкий ужас. Император, без сомнения, считал, что его хрупкий, «женоподобный» отпрыск, этот бледный, беззащитный цветок, станет идеальной мишенью для следующего кровавого спектакля. И, глядя на этот стебель, готовый, кажется, надломиться от любого грубого слова, Теодор не мог с ним не согласиться.

И тогда принц улыбнулся.

Это была не улыбка. Это было внезапным, ослепительным восходом солнца в этой искусственной, пропахшей лилиями комнате. Лучезарная, искренняя, теплая, она преобразила его лицо, растопив восковую бледность и сделав его на бесконечно долгое, украденное у вечности мгновение не просто красивым, а ослепительным. Живым.

— Рад познакомиться, лорд Вурхис, — его голос был ме-

лодичным, чистым, переливающимся, как звон хрустального бокала, по краю которого проводят влажным пальцем. Он мягко, почти доверчиво принял протянутую руку, и его пальцы, длинные, тонкие и холодные, как драгоценный фарфор, легонько, невесомо сомкнулись вокруг широкой, грубой ладони Теодора. — Я Асфодель. Асфодель Далис.

В тот краткий миг, когда их кожи соприкоснулись, когда лед коснулся огня, Теодору, привыкшему к грубым, проверяющим на прочность рукопожатиям солдат, с внезапной, ледящей кровью ясностью пришла непрощенная мысль: его пальцы, что без труда сжимали эфес тяжелого меча, могли бы одной рукой, почти не прилагая усилий, сомкнуться и обхватить эту тонкую, беззащитную, изящную шею. И хрупкий хрусталь этой странной, неловкой тишины разбился бы навсегда, запятнав осколки кровью.

Мужчина сделал глубокий вдох через нос, словно пытается вытеснить из легких липкий цветочный аромат, что, казалось, уже пропитал и его самого, и отстранился.

— С этого дня, ваше высочество, ваша жизнь под моей защитой, — уверенно произнес капитан, не сомневаясь в своих словах ни на единое мгновение. Он выжил в кровавых окопах Маронской войны, прошел через огонь, воду и медные трубы, теряя друзей и хороня врагов, поэтому защита этого хрупкого, болезненного мальчишки не будет проблемой. Это даже не задача, а так, разминка для старого боевого пса.

Асфодель на мгновение прикрыл глаза, продолжая улыбаться, словно запоминал этот чудесный, волнующий момент знакомства с кем-то новым, впуская его в свое убежище из книг и цветов. Когда его медовые, лучистые глаза вновь открылись, юноша произнес:

— Я уверен, что с вами мне ничего не угрожает, капитан, — нежно прошептал юный принц, смотря в изумрудные омуты напротив с такой обезоруживающей, детской чистотой и доверием, что у Теодора на мгновение болезненно сжалось сердце. В этот миг ему показалось, что он снова тот молодой священник, полный веры и сострадания, каким был одиннадцать лет назад, до войны, до крови, до потери всего святого.

Так началась служба Теодора, призванная охранять безопасность этого хрупкого цветка.

К удивлению Теодора, Асфодель оказался совершенно не таким, каким он представлял себе принца величайшей империи. Ни капризов, достойных избалованного аристократа, ни высокомерных требований, ни единого, даже самого тонкого намека на то, что этот бледный, тихий юноша — монаршая особа, в чьих жилах течет кровь завоевателей. Он не швырял вещи в слуг, не топал ногами в приступе гнева, не требовал немедленно исполнить любую вздорную прихоть.

Казалось, этот парень — лишь бледная, едва различимая тень того, каким должен быть истинный принц огромной им-

перии, как Арвас, что пожирала одно государство за другим на протяжении многих кровавых десятилетий. Каким должен быть наследник государства, построенного на костях врагов? Он должен быть самонадеянным, наглым грубияном, что обращается со слугами, как с грязью под ногами, потому что те недостойны даже прикоснуться к подолу его драгоценного одеяния. Он должен требовать желаемого любой ценой, сметая все преграды на своем пути, и получать вожаемое на блюде с голубой каемочкой, не замечая ничьих усилий.

А что Теодор сейчас видел перед собой? Слабого и тихого юношу, что своими повадками, плавностью движений и тщедушным телосложением больше походил на болезненную, бледную девицу, заточенную в башне. Вместо изучения тактики, карт великих сражений и трактатов по военному искусству, этот читал какие-то глупые, сентиментальные сказки в своих бесконечных книжках, уносясь в выдуманные миры. Вместо упорных, изнурительных тренировок с мечом, что позволили бы ему одним ударом разбивать врагов, как и подобает наследнику Далисов, этот проводил время в душной оранжерее, трепетно выращивая свои идиотские, бесполезные цветы, или, еще того хуже, тайком подкармливая бродячих, ободренных кошек, что почему-то постоянно ошивались у стеклянных дверей. Этому бы еще надеть шелковое платье, дать в руки вязальные спицы — и вообще от девки не отличишь. Возможно, даже симпатичной

девкой считался бы, мелькнула у Теодора шальная, неуместная мысль.

Эти ворчливые, полные скуки и презрения мысли посещали мужчину каждый раз, пока он находился рядом с Асфоделем, бдительно защищая бесценную, хрупкую тушку наследника рода Далисов. Рядом с принцем не плелось интриг, достойных упоминания, не было внезапных нападений жестоких убийц или коварных, ядовитых соблазнительниц, желающих забраться в постель к наследнику. Не было ничего, от чего, по идее, Теодор должен был защищать будущего императора. Ничего. Абсолютно ничего.

Сначала эта противоестественная тишина настораживала. Безумно настораживала. Она заставляла его, словно старого сторожевого пса, напрягаться всем телом, когда вокруг было подозрительно тихо; прислуживаться к малейшему шороху; вынюхивать угрозы там, где пахло лишь лилиями и безмятежностью; искать скрытых шпионов, врагов короны, подлых отравителей и наемных убийц, затаившихся в тенях.

Но ничего не было. Абсолютно ничего. Вокруг принца словно существовал незримый, непроницаемый купол безмятежности, под которым не происходило ровным счетом ничего. Только звонкая, кристальная тишина и умиротворяющее спокойствие, от которого у бывшего солдата сводило скулы.

Для мужчины, прошедшего ад, это было откровенно... скучно. Смертельно скучно. Словно весь его чудовищный

потенциал лучшего мечника империи, отточенный годами лишений и крови, растрачивали на нарезку огурцов к салату. Совершенно бесполезное, унижительное занятие. Теодор прекрасно видел, что Асфодель не нуждается в защите, потому что на мальчишку попросту никто не зарился. Кроме призрачной, эфемерной угрозы нападения столичного маньяка, всё вокруг было до смешного безвредным, пресным, как разбавленное молоко. Неужели ему, Лорду Восточных Буйных Земель и Капитану королевской гвардии, Теодору Филипу Вурхизу, нужно следить за тем, чтобы какой-то мягкотелый, изнеженный сопляк не проколол пальчик о шип розы, выращенной им же?! Что за вздор? Что за насмешка судьбы?

— Лорд Вурхиз, простите, что отвлекаю вас от ваших мыслей... — раздался вдруг нежный, переливчатый, как звон серебряных колокольчиков весенним утром, голос. Асфодель подошел почти вплотную к креслу, в котором, глубоко погрузившись в свое раздражение, сидел Теодор. Как, всеми забытыми богами, он сумел подкрасться так тихо, не потревожив даже воздух? — Но я хотел узнать, не хотите ли вы чаю? В замке подают поистине превосходный чай с лепестками роз и горным медом. Он божественно пахнет... Не желаете ли разделить со мной эту маленькую радость?

Лорд на пару мгновений замялся, захваченный врасплох этой простой, искренней просьбой. Мужчина сделал глубокий, успокаивающий вдох, пытаясь подавить вспышку раздражения на самого себя за потерю бдительности, и перевел

тяжелый взгляд своих зеленых очей в эти странные, золотые глаза альбиноса, что с такой неподдельной искренностью и надеждой смотрели в его лицо, терпеливо ожидая ответа. Этот мальчишка — совершенно безнадежная тряпка.

— Да, Ваше Высочество. Я был бы не против выпить с вами чаю, — вежливо, но сухо кивнул Теодор, поднимаясь со своего «наблюдательного поста» и пересаживаясь вместе с принцем за круглый, изящный столик у высокого стрельчатого окна, где Его Высочество обычно пил чай, читал свои романы и смотрел на облака.

Лицо юного Далиса просияло так, словно ему преподнесли самый дорогой подарок. Он снова улыбнулся своей обезоруживающей, лучезарной улыбкой, следуя за своим охранником, что оказался за столом немногим раньше него — всё-таки мужчина был намного крупнее, быстрее, его тело привыкло действовать на опережение. Юноша, что-то бегло, мелодичным говорком сказав служанке, уселся напротив, нервно скрепив тонкие пальцы в замок, что выглядело как проявление некоторой неловкости, трогательной в своей искренности. Теодору было прекрасно видно, что мальчишке невероятно приятно, что кто-то наконец-то делит с ним его одинокое чаепитие, но он чувствует себя до ужаса неловко в образовавшейся вязкой, звенящей тишине.

Мужчина мысленно усмехнулся, позволив себе на секунду представить, как этот цветочек сейчас будет пытаться завести с ним какую-нибудь глупую, наивную беседу о книж-

ках, легендах или своих любимых цветах. Возможно, он сможет хоть немного развлечь себя, если будет отвечать нарочито тупо и односложно, будто он действительно необразованный солдафон, каким его, без сомнения, считают все местные расфуфыренные придворные.

Но принц, глядя на него своим медовым, пронзительным взором, задал вопрос, что заставил Вурхиза поперхнуться только что принесенным, обжигающе горячим чаем.

— Лорд Вурхиз, что вы думаете о Театрале? — голос юноши прозвучал с нескрываемым, живым, почти детским интересом. Принц действительно, неподдельно интересуется тем, что его угрюмый охранник думает о столичном душегубе.

Теодор немного замялся, отставляя чашку в сторону.

— Ваше Высочество, я не думаю, что это приемлемая тема для раз... — его попытались оборвать на полуслове, и это было неслыханной дерзостью.

— Вы думаете, он действительно хочет убить меня? — спросил Асфодель, глядя своими огромными, лучистыми глазами прямо в самую душу мужчины напротив, заставляя того чувствовать себя неуютно под этим странным, изучающим взглядом.

Теодор снова замялся. Этот мальчишка вновь застал его врасплох. Дважды за какие-то жалкие десять минут. Черт.

— Я не знаю, Ваше Высочество, — почтительно, но нарочито сухо сказал Теодор, отводя взгляд в сторону и уставляясь в окно, словно желая оказаться в любом другом месте

этого проклятого дворца, но только не за этим столом. — Но ваш отец считает, что такое возможно. Иначе он не приказал бы мне охранять вас.

— Вы бы хотели быть тем, кто его поймает? — внезапно произнес юноша, с невинным видом поднося изящную чашку к бледно-розовым губам и делая крохотный глоток. — Я могу это организовать.

Теодор замер, оцепенев. Его сердце пропустило удар, а в голове воцарилась звенящая пустота. Он неверяще уставился на этого хрупкого, безобидного мальчишку, что продолжал безмятежно пить свой чай, словно не предложил только что нечто немыслимое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.